

РАССКАЗ

П. ШМАКОВ

РОДИТЕЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

(Окончание.)

Начало в №№ 46, 47).

Старуха за разговором собирала огурчиков, грибов, из печи русской достала сковородку с яйцами, поджаренными на свином сале, поставила на стол. Николай не успел даже усмотреть за старухой, как она ловко пододвинула стол к самой койке. Трофим приподнялся, подложил под спину две подушки, усмехнулся:

— Царское ложе. Умирать не след.

— Больно уж в тоску ударяешься, Трофимушка, — перебила старушка. Она налила по полстакана водки, подала Николаю и старику. Николай заметил, как дрожала рука Трофима и, не глядя на эту руку, стукнулся стаканом с ним, затем со старушкой, выпил. Сразу же обожгло в животе. Он закусил и опять взглянул на старика. Трофим выпил, малость расплескав водку на бороду. Он достал целый огурец и стал его жевать медленно, одной стороной рта.

— Так я о чем говорю, — как-то быстро ожил старик. — От войны все беды происходят. Матери твоей бы еще с десяток лет жить вполне возможно. А какую мученью она перетерпела в войну? Ели турнепс па-

ренный да картошку мороженую. Драчками назывались лепешки из нее. У меня две раны еще с первой германской. Этак-то.

Николаю было жалко мать, гостеприимных хозяев, самого себя.

— Кольша, а тебя земля наша не манит? — спросил вдруг Трофим. Глаза у него оживились, щеки порозовели, вернее, стали темней прежнего.

— Ты нюхал землю, приехавши? — допытывался Трофим.

— Пошел, — упрекнула старуха. — Не надо тебе пить. Трофимушка, Коля, испей еще. Здоровьишко водится — пей. Увлекаться не надо. А к случаю можно.

— Я не балуюсь этим, не приучен. Маму жалко, — проникновенно сказал Николай.

— От земли, Кольша, не отказывайся, — снова взялся за свое Трофим. — Ты что почувствовал, как ступил ногой на землю нашу?

— Маму вот потерял, и как давно не приезжал, что...

— А я что говорю? От земли уйдешь — истоскуешься.

Николай поднялся от стола. Как-то ласково посмотрел на стариков и вдруг растроганным потеплевшим голосом сказал:

— Вы уж Маньку у нас со двора сведите к себе в хлев. Так-то лучше будет. Куда лучше.

Николай еще подумал, что мать так бы наверняка поступила, и ему радостно сделалось от мысли, что он хоть этим сделался похожим на своего добрую мать.

— Кольша, да ты с ума спятил? Продай, деньги будут.

Но Николай перебил:

— Не обижайте. В память о маме...

Возвращался Николай Шустиков от стариков с неким облегчением в груди. Шел медленно по пыльной улице, поглядывал на сухие плетни, на новые игороды у новых домов, на просторные окна и не знал, чем он займется сегодня.

Он шел к кладбищу и медленно думал о себе, о матери. Вот прожилта мать, вроде, и серую, незаметную жизнь, но осталась она в памяти людей, и память-то добрая, крепкая. А вот он, Николай, все ли сделал, чтобы заслужить добрую память в людях, он и сам не знал. Можно же было выкроить время и приехать сюда. Значит, где-то в душе будет таиться вина перед матерью, и носить он ее будет всегда. Может, эта вина и даст ему возможность найти какое-то оправдание перед людьми, хотя бы перед земляками, перед порывелым горбиком земли.

День теплый, поднимался птичьим гомоном, но не избавлял Николая Шустикова от раздумий и тревог.